

В Диссертационный совет Д 503.001.01
при Федеральном государственном
научно-исследовательском учреждении
«Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации»
117218, г. Москва, улица Б. Черемушкинская, д. 34

от Андреева Владимира Константиновича,
доктора юридических наук, профессора,
заведующего отделом гражданско-правовых
и корпоративных исследований
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Гутникова Олега Валентиновича

«Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с
управлением юридическими лицами»

(представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право)

Представленная диссертация написана на актуальную тему, посвященную рассмотрению гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Актуальность избранной темы исследования не вызывает сомнений и убедительно раскрывается автором в диссертационной работе (с. 4–9; 124–135 диссертации) с использованием примеров из арбитражно-судебной практики и практики Конституционного Суда Российской Федерации, в которых наглядно показываются значимость и нерешенность многих проблем гражданско-правовой ответственности в законодательстве о юридических лицах. Появление столь масштабного исследования по

соответствующей теме видится особенно своевременным в свете реформы законодательства о юридических лицах, начавшейся изменениями в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и продолжающейся внесением соответствующих поправок в специальные федеральные законы. Очевидно, что новый формат регулирования соответствующих отношений, заданный реформой, в том числе появление в ГК РФ корпоративных отношений, связанных с управлением корпоративными организациями, ставит множество теоретических и практических вопросов, требующих своего разрешения как в законодательстве, так и в доктрине, и среди них вопросы гражданско-правовой ответственности, безусловно, являются одними из наиболее важных.

Изучение представленных диссертации и автореферата по заявленной теме позволяет в целом положительно оценить работу по следующим основаниям.

Несомненно, одним из основных достоинств представленного исследования является его целостный и всесторонний характер, логичность и системность структуры работы, последовательно построенной по методу восхождения от общего к частному: на основе изучения правовой природы отношений, связанных с управлением юридическими лицами (гл. 1 диссертации) автор рассматривает вопросы гражданско-правовой ответственности в законодательстве о юридических лицах как в общем (гл. 2 диссертации), так и применительно к отдельным видам такой ответственности, которые обстоятельно исследуются в специальных параграфах главы 3. При этом обосновывается особая гражданско-правовая и при этом управленческая природа соответствующей ответственности в целом (называемой в диссертации также «корпоративной»), а также выявляются ее наиболее значимые особенности для отдельных видов: ответственность управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причинение убытков; ответственность перед кредиторами юридического лица, включая субсидиарную ответственность по обязательствам

юридического лица и ответственность за причинение вреда правам кредиторов и др.

Новизна результатов исследования заключается, прежде всего, в том, что в нем впервые в отечественной доктрине гражданского права дается развернутое обоснование существования особого, третьего вида гражданско-правовой ответственности (помимо договорной и деликтной) – ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, или корпоративной ответственности. В диссертации выявляются основные черты корпоративной ответственности, включая само понятие корпоративной ответственности, принципы, а также особенности, которые имеют основания, условия применения, меры корпоративной ответственности различных ее видов, а также негативные последствия корпоративных правонарушений.

Оригинальностью и новизной отличается авторская трактовка отношений, связанных с управлением юридическими лицами, как особой и универсальной категории корпоративных гражданско-правовых отношений, присущих любым юридическим лицам, как корпоративным, так и унитарным. При этом корпоративные отношения, определяемые в ГК РФ как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, в диссертации рассматриваются лишь как разновидность гражданско-правовых отношений, связанных с управлением любыми юридическими лицами, с множественностью лиц на стороне управляющего субъекта. Такой подход сам по себе является спорным, хотя он, несомненно, обладает научной новизной.

Исходя из правовой природы отношений, связанных с управлением юридическими лицами, в диссертации впервые обосновывается существование и основные характерные черты особого вида гражданско-правовой корпоративной ответственности и отдельных ее разновидностей. При этом особо следует отметить такие новеллы, как введение автором в научный оборот и обоснование принципа специалитета корпоративной

ответственности (с. 159–174 диссертации); выявление основных субъектов корпоративной ответственности как лиц, обладающих корпоративным контролем (контролирующих лиц) (с. 174–190 диссертации); деление корпоративной ответственности на две разновидности: ответственность за корпоративные правонарушения и обеспечительную «квазикорпоративную ответственность» (с. 145–147 диссертации); раскрытие субъективного основания «квазикорпоративной ответственности», построенного на началах риска (с. 345–349 диссертации); обоснование ответственности за корпоративный деликт, понимаемый как причинение вреда относительным имущественным правам субъектов корпоративных отношений в связи с нарушением деликвентом своих обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом (с. 390–395 диссертации); деление юридической природы субсидиарной ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, на три разновидности (с. 356–359 диссертации).

Результаты проведенного автором исследования обладают необходимой степенью достоверности, что подтверждается содержащейся в работе аргументацией и отражено в положениях, выносимых на защиту.

Так, несомненный интерес и научную ценность представляет собой уже отмечавшееся выше носящее дискуссионный характер рассмотрение корпоративных отношений как разновидности отношений по управлению юридическим лицом с множественностью лиц на стороне субъекта управления (вывод 1).

Безусловной поддержки заслуживают выводы автора о неоднородности гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, о делении такой ответственности на несколько видов и подвидов, в том числе на: ответственность за совершение корпоративных правонарушений и обеспечительную «квазикорпоративную ответственность», с такими нарушениями не связанную (вывод 2), о дифференциации корпоративной ответственности за корпоративные

правонарушения в зависимости от характера нарушаемых гражданских прав и корпоративных обязанностей (выводы 4, 7).

Заслуживают внимания и обладают научной ценностью даваемые автором понятие и основные черты корпоративной ответственности за корпоративные правонарушения (выводы 4 и 5).

Следует в целом согласиться и с отстаиваемыми в диссертации универсальными принципами специалитета и персонализации корпоративной ответственности, применимыми для всех ее видов, необходимость установления которых обусловлена особой управленческой природой соответствующих отношений (вывод 6). В силу этих принципов ответственность должна наступать строго лишь на тех основаниях, при тех условиях и в отношении тех субъектов, которые прямо (*expressis verbis*) указаны в законе, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре. При этом справедливо утверждение о том, что директор по общему правилу не должен нести ответственность за правонарушения публичного характера, совершаемые юридическим лицом (налоговые, таможенные, административные и т.д.).

Интересными представляются предложения автора расширить в законодательстве круг субъектов и оснований корпоративной ответственности (выводы 7 и 8), а также о необходимости выделить в законодательстве общие положения о корпоративной ответственности, систематизировать и унифицировать соответствующие нормы (вывод 18).

В целом заслуживают поддержки и выводы, направленные на ограничительное и осторожное применение в отечественном правопорядке англо-американской доктрины «снятия корпоративных покровов», способной в конечном итоге дезавуировать само понятие юридического лица, размывая его границы (выводы 2, 10, 13).

Несомненную теоретическую ценность представляют обосновываемые в диссертации понятия «квазикорпоративной ответственности» обеспечительного характера (выводы 9 и 10), корпоративного

правонарушения (корпоративного деликта) (вывод 12), субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах (вывод 11).

Ознакомление с текстом диссертации дает основание заключить, что выносимые на защиту положения являются аргументированными и подкрепляются надлежащими доводами теоретического характера и эмпирическим материалом из судебной практики.

В то же время, представленная работа вызывает ряд замечаний.

1. Спорным является положение соискателя о том, что отношения по управлению юридическим лицом являются по своей сути частноправовыми неимущественными относительными отношениями власти и подчинения. Прежде всего, включение в ст. 2 ГК РФ корпоративных отношений само по себе не означает, что они являются по своему существу гражданско-правовыми. Государственная регистрация прав на имущество (ст. 8.1), государственная регистрация юридических лиц (ст. 51), государственная регистрация недвижимости (ст. 131) не приобретают гражданско-правовой характер, хотя и расположены в Гражданском кодексе.

Гражданское законодательство регулирует корпоративные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Поэтому непонятно, почему «право участия» (для рецензируемого исследования характерно чрезмерное закавычивание правовых явлений, вместо выявления их природы, например, «квазикорпоративная ответственность») исключается из характеристики корпоративных отношений (с. 53–54 диссертации). При этом, если в начале утверждается, что никакого «права участия» как самостоятельного субъективного права попросту не существует, то затем говорится, что право на управление юридическим лицом (а не участия в управлении) является основным корпоративным правом. О корпоративности как организованной общности людей в форме юридического лица можно утверждать только в случае, когда их участники обладают долей имущества в собственности корпорации, именно такой смысл заложен в ст. 2 ГК РФ, а не о членстве, которое

появилось в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ наряду с правом участия, что позволило включить в корпоративные организации и некоммерческие юридические лица¹.

В ГК РФ предусмотрено, что устав, утверждаемый учредителями (участниками), должен содержать сведения о порядке управления деятельностью (подчеркнуто – В.А.) юридического лица, а управление в корпорации осуществляется высшим и другими органами корпорации в соответствии с их компетенцией, установленной ГК РФ, другими законами и уставом корпорации (ст. 65.3 ГК РФ).

Вряд ли ошибкой ГК РФ можно назвать отнесение к корпоративным отношениям только отношений по управлению корпоративными организациями, оставив в стороне унитарные юридические лица. Отличие в управлении унитарными организациями состоит в том, что оно осуществляется не внутри юридического лица, как в корпорации, а извне. Собственник унитарного предприятия обладает теми же правами, которыми обладает общее собрание участников корпорации (ст. 20 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях). По этим соображениям отношения между собственником (учредителем) и органами управления унитарного предприятия или учреждения не имеют корпоративного характера. Принятие предложения соискателя приведет к стиранию различий между корпоративными и унитарными организациями, хотя следует отметить, что признак, заложенный в основу такого деления – если учредитель не становится участником юридического лица – является недостаточным.

2. Вызывает сомнение как не основанное на нормах ГК РФ и законов о коммерческих корпорациях утверждение соискателя, что право на управление по составу входящих в него правомочий является неимущественным, а права на участие в распределении прибыли, на

¹ См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. М., 2-е издание. 2017. С. 27–28.

ликвидационный остаток представляют собой некие правомочия на участие в принятии соответствующих решений путем осуществления права голоса по соответствующим вопросам (с. 61–62 диссертации). Вопрос состоит не в том, что решение органов корпорации обладает или не обладает имущественной ценностью, а в том, что решение собрания приводит к возникновению гражданских прав и обязанностей (подп. 1.1 п. 1 ст. 8 ГК РФ). Утверждать, что право на получение дивидендов, а в случае ликвидации общества – право на получение части его имущества (п. 2 ст. 31 Закона об акционерных обществах) не является имущественным, значит – противоречить действующему законодательству. Субъективное право на дивиденд (субъективное гражданское право, а не корпоративное) возникает из решения общего собрания акционеров. В связи с изложенным трактовка управленческих отношений как неимущественных никакого научного обоснования для включения в предмет гражданско-правового регулирования корпоративных отношений не добавляет, а решение собрания как основание возникновения гражданских прав и обязанностей в диссертации не исследовано.

3. Трудно согласиться с таким признаком отношений по управлению юридическим лицом как отношения власти и подчинения, построенные по методу частноправовой субординации, объектом которых является сам управляемый субъект (с. 67–72, 402–407 диссертации).

Признание равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений является основным его началом, основополагающим принципом (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Сами имущественные и личные неимущественные отношения основаны на равенстве их участников, под которыми понимаются граждане и юридические лица, а также публично-правовые образования, на их имущественной самостоятельности (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Обязательные указания заказчика по договору строительного подряда в части осуществления контроля и надзора за выполнением работ являются

обычным условием такого договора. Подрядчик, ненадлежащим образом выполнивший работы, не вправе ссылаться на то, что заказчик не осуществлял контроль и надзор за их исполнением (п. 4 ст. 748 ГК РФ).

Принцип свободы договора и метод диспозитивности договорных отношений исходят из равенства сторон, а не из власти и подчинения одной стороны другой. Кроме того, сами гражданские права и обязанности не следует смешивать с основаниями их возникновения, которыми могут быть и акты государственных органов и органов местного самоуправления. Поэтому властные указания в гражданском праве могут выступать в качестве оснований возникновения субъективных гражданских прав и обязанностей в случаях, предусмотренных законом. Исходя из статей 11 и 12 Конституции Российской Федерации власть может быть государственной или органов местного самоуправления. Употребление понятий «корпоративная власть», равно как «гражданско-правовая субординация» не отвечают смыслу и назначению гражданского законодательства, построенного на идее недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.

Представляется неудачным и применение слова «господство»² в отношениях по управлению юридическим лицом – «имеет место господство над другим субъектом», спрашивается, господство кого?

О.В. Гутников утверждает, что «...правоотношения по управлению юридическим лицом составляют сферу *господства над личностью*. Юридическое лицо подчиняется господству его высшего волеобразующего органа управления, состоящего из его членов»; «...доведенное до абсолюта господство над личностью юридического лица со стороны его участников (учредителей)» (с. 71–72 диссертации). Указания участников (учредителей) одновременно являются действиями подвластного лица по исполнению этих указаний. После создания юридического лица его участники управляют им, т.е. части, элементы целого руководят действиями юридического лица,

² Господство – преобладающее, подавляющее влияние где-нибудь, обладание полной властью над кем-чем-нибудь. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 115.

целого. При таком подходе к управлению юридическим лицом (автор ясно не определяет, что он под ним понимает – фикцию или социальную реальность) оно выступает как соотношение целого и части, притом целое – юридическое лицо оказывается подконтрольно его части.

Действительно, в корпоративном юридическом лице высший орган образует его другие органы управления, в том числе коллегиальный орган, единоличный и коллегиальный исполнительные органы. К компетенции исполнительных органов корпорации относится решение вопросов, не входящих в компетенцию ее высшего органа и коллегиального органа управления. Таким образом, трактовка управления юридическим лицом как доведенного до абсолюта господства над личностью юридического лица со стороны его участников не соответствует нормам ГК РФ и законов о юридических лицах, умаляет, если совсем не исключает деятельность лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, т.е. прежде всего органов юридического лица, по управлению юридическим лицом. Кроме того, изложенный соискателем подход к управлению юридическим лицом уравнивает деятельность органов юридического лица с лицами, определяющими отдельные действия юридического лица, в частности контролирующего участника. Другими словами, управление деятельностью юридического лица подменено корпоративным управлением, которое является лишь частью общего, полного управления юридическим лицом, а управление унитарными юридическими лицами вовсе не содержит компетенцию высшего органа, поскольку он не создается в форме общего собрания его участников.

4. Неубедительны доводы соискателя о том, что право на управление юридическим лицом по своей природе является смешанным и занимает среднее положение между абсолютными и относительными правами, поскольку имеет признаки как абсолютных, так и относительных прав (с. 72–75), хотя на защиту они вынесены как относительные. Казалось бы, если отношения по управлению юридическим лицом есть отношения власти и

подчинения, то они должны быть относительными, и не потому, что относительность права вытекает из особой природы объекта управления, одновременно являющегося юридическим лицом, которое правопорядок наделяет правосубъектностью и которое обладает свойством организационного единства, а потому, что у совокупности участников юридического лица, общего собрания, должны быть права, а у юридического лица – обязанности. При изложенном соискателем подходе какая-то множественность участников управляет юридическим лицом, и говорить об абсолютном или относительном характере права управления юридическим лицом не приходится, поскольку точно не определены в предлагаемой концепции управляющий и управляемый субъекты, как конкретные субъекты гражданского права, граждане и юридические лица. Участники корпорации, будучи субъектами гражданского права, выступают как элементы, части юридического лица, имеют права и обязанности только по управлению самим юридическим лицом.

Неправомерно исключая из понятия корпоративных отношений участие в корпоративных организациях, О.В. Гутников считает, что «добавление юридического лица предопределяет особую правовую природу и сложную структуру корпоративных отношений, порождающую в том числе особую множественность их участников, возможную лишь в условиях существования юридического лица» (с. 82 диссертации). Тем самым, автор по существу игнорирует главную составляющую отношений, регулируемых гражданским законодательством применительно к их участникам – правовое положение граждан и юридических лиц как участников гражданского оборота.

В ГК РФ главной является структура отношений между юридическими лицами и его органами, посредством действий которых приобретаются гражданские права юридического лица и возлагаются на него обязанности, связанные с его деятельностью. Корпоративные права и обязанности участников корпоративной организации, если основываться на п. 2 ст. 65.1

ГК РФ, возникают в отношении уже созданного ими юридического лица. Они безусловно осложняют отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов (п. 4 ст. 53 ГК РФ), но отнюдь не образуют особую сложную структуру гражданско-правовых отношений, в которых главным и основным является отношение по управлению юридическим лицом со стороны участников (учредителя). В этом самое существенное отступление в концепции О.В. Гутникова от существующих норм гражданского законодательства. Такой подход методологически таит в себе выход корпоративного права за рамки отрасли гражданского права, поскольку он не учитывает гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте.

5. Спорно утверждение соискателя о том, что «право на управление юридическими лицами является единым и в корпоративных организациях ничем не отличается от любого другого гражданского права с множественностью лиц на стороне управомоченного лица» (с. 89–90 диссертации). Представляется недостаточным ограничиться указанием на то, что закон и учредительные документы устанавливают порядок согласования воли этой множественности при принятии тех или иных управленческих решений, поскольку в диссертации нет анализа решения собрания, как основания возникновения гражданских прав и обязанностей.

Неубедительны аргументы соискателя и о том, что субъективное право на управление юридическим лицом едино, поскольку он сам признает, что оно по своему содержанию включает в себя комплекс правомочий, а отличить право от правомочия достаточно трудно. ГК РФ не пользуется понятием правомочия. Приводимые обычно в качестве примера правомочия собственника на самом деле права, а не правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом (ст. 209 ГК РФ).

6. О.В. Гутников неосновательно расширил круг субъектов отношений, связанных с управлением юридическим лицом. К ним относятся не только участники (члены), учредитель (учредители) или собственник имущества

юридического лица, лица, входящие в состав органов юридического лица (точнее было бы сказать – органы юридического лица (ст. 53 ГК РФ), но и само юридическое лицо, кредиторы юридического лица, иные лица (с. 105 диссертации). Выходит, что совершение сделок и представительство юридического лица в гражданском обороте является управлением юридическим лицом. Далее в исследовании автор отождествляет лиц, участвующих в управлении юридическим лицом, с участниками корпоративных отношений, полагая, что глава 4 ГК РФ односторонне определяет структуру субъектного состава корпоративных отношений. Однако из содержания диссертации не следует, чем обоснована необходимость включения в ГК РФ правового регулирования отношений участников между собой, отношений между лицами, входящими в состав органов управления, и участниками, а также юридическим лицом (с. 110 диссертации). Следует понимать, как это вытекает из норм ГК РФ, что если коллегиальный орган корпорации (правление, наблюдательный совет) есть единый субъект, состоящий из отдельных его членов (такой вопрос по вполне понятным причинам не возникает в отношении единоличного исполнительного органа), то решение по управлению юридическим лицом принимает коллегиальный орган как таковой и ответственность не несут те из членов этого коллегиального органа, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков. По этим соображениям господствующее в литературе и разделяемое соискателем мнение о том, что ответственность несут в этих случаях члены коллегиального органа юридического лица, не основано на действующем законодательстве. Вывод соискателя о том, что ответственность членов органов юридического лица основана на нарушении конкретных корпоративных обязанностей (подчеркнуто – В.А.), важнейшей из которых является обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (с. 222 – 223 диссертации), не основан на нормах статей 53 – 53.1 ГК РФ. В данном случае налицо гражданско-правовая

ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, за недобросовестное или неразумное осуществление своих прав и своих обязанностей. Полномочия директора выступать от имени юридического лица определяются его компетенцией, установленной законом и уставом, и не носят доверительный, фидуциарный характер.

7. В диссертации автором не проведено точное разграничение между гражданско-правовой ответственностью в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, общей гражданско-правовой ответственностью и корпоративной ответственностью, называемой в главе 3 отдельными видами гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Вряд ли выделение в указанной главе диссертации отдельных разновидностей корпоративной ответственности можно объяснить важной ролью в обеспечении справедливого баланса интересов между всеми участниками (с. 194 диссертации). Несмотря на то, что основными субъектами корпоративной ответственности в силу их роли названы контролирующие лица, этот вид ответственности не получил отдельного исследования в главе 3 диссертации.

Спорно утверждение соискателя, что контролирующие лица не столько контролируют, сколько управляют юридическим лицом по стратегическим и оперативным вопросам его деятельности. Установление прямой ответственности контролирующих лиц перед участниками юридического лица или перед его кредиторами разрушает организационное единство юридического лица (с. 178–179, 188 диссертации).

На мой взгляд, «принцип отделения», который обычно рассматривается как последовательное отделение юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества его участников, нельзя распространять на отделение имущества юридического лица от имущества его участников. Сам автор говорит об осторожном применении доктрины «снятия корпоративных покровов». Проблему корпоративной ответственности участников, в том числе контролирующих,

как перед самой коммерческой корпорацией, так и перед ее кредиторами, необходимо решать с учетом прав и обязанностей, установленных ГК РФ, конструируя из них корпоративные обязательства (подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), а не вести речь о корпоративных правонарушениях. По этим соображением представляется ошибочным конструировать корпоративную ответственность субъектов в широком смысле, понимая под ними любых лиц, несущих фидуциарные обязанности перед другими участниками этих отношений. Такой подход, как уже указывалось, сводит на нет осуществление своей компетенции органами юридического лица (членами коллегиальных органов юридического лица). Корпоративное управление в корпорации является лишь частью общего управления юридическим лицом.

В связи с этим вызывает возражения трактовка соискателем отношений между учредителями и государственными предприятиями и учреждениями (видимо и муниципальными) по управлению собственником этими организациями в качестве корпоративных, и рассмотрение государства и государственных организаций полноправными участниками корпоративных отношений (с. 114, 120 диссертации). Выдвигая и обосновывая свои предложения в этой части, соискатель допускает некорректные выражения в отношении действующего гражданского законодательства: «Абсурдным (подчеркнуто мной – В.А.) выглядит наделение только учредителей корпоративных организаций правом на участие в управлении их деятельности. Учредителям унитарных организаций такого права не предоставляется»; «...последние изменения в главу 4 ГК РФ при всех их достоинствах не устраняют главной причины кризиса (подчеркнуто мной – В.А.) корпоративного законодательства...» (с. 551, 557 диссертации).

В своем исследовании соискатель, утверждая, что отношения собственника по управлению государственными и муниципальными организациями аналогичны корпоративным отношениям, не учел, что корпорации являются собственниками своего имущества, а корпоративное управление лишь одно из проявлений прав собственника – корпоративной

организации. В коммерческих корпорациях право участия в их имуществе долей участников увеличивает их возможности в управлении такими юридическими лицами, учитывая, что хозяйственные общества составляют более 98 процентов всех коммерческих организаций. Поэтому исключение права участия в имуществе коммерческих корпораций из понятия управления юридическим лицом представляется ошибочным.

Несмотря на ряд высказанных выше замечаний, представленная работа в целом вызывает положительную оценку. На основе изучения диссертации и опубликованных работ ее автора по теме диссертации (их за период с 2007 года по 2018 год в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ, опубликовано 25 статей) я пришел к выводу, что диссертация О.В. Гутникова полностью соответствует критериям, установленным в Положении о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842).

Оцениваемое исследование представляет собой законченную научно-квалификационную работу, в которой разработаны и четко сформулированы новые, ранее не встречавшиеся в отечественной литературе теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное значение для развития законодательства о юридических лицах. Изучение структуры участников отношений, связанных с управлением юридическими лицами, определение их роли в управлении юридическим лицом позволили по новому представить и обосновать понятие ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, выделить и глубоко, с использованием анализа судебной практики, рассмотреть отдельные виды гражданско-правовой ответственности в сфере деятельности юридических лиц.

Научные положения, разработанные соискателем, имеют большую ценность в совершенствовании корпоративного управления и могут быть использованы при изменении норм главы 4 ГК РФ, законодательства о

юридических лицах, в том числе в ходе реализации планов мероприятий (дорожных карт) корпоративного управления, утверждаемых Правительством Российской Федерации.

Степень обоснованности и достоверности научных положений соискателя представляется высокой и доказывается применением общенаучных методов и методов юридической науки, в частности метода системно-структурного анализа. Предложенные соискателем научные положения подтверждаются глубоким и всесторонним рассмотрением взглядов ученых на рассматриваемые в диссертации проблемы, материалами судебной практики.

Цели и задачи, поставленные в диссертации, выполнены. Личный вклад соискателя состоит в непосредственном и единоличном участии в определении темы и структуры диссертации, в подборе теоретического, нормативного и эмпирического материала исследования, изложении и доказательстве научных положений, выносимых на защиту. Автором получены доказанные научные результаты в виде авторских суждений, выводов, предложений по совершенствованию главы 4 ГК РФ и законодательства о юридических лицах.

В автореферате диссертации кратко изложено содержание работы.

Диссертация О.В. Гутникова является самостоятельным и завершенным трудом, содержащим достоверные научные результаты, отвечающие соответствующим критериям научной новизны, и определяет новое научное направление в изучении правосубъектности юридического лица и юридической ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом. Она выполнена в рамках паспорта научной специальности ВАК 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

